

Лариса Яковенко

Гроздья акации белой

Ирина Николаевна Одинцова всматривалась в пролетавшие мимо вагонного окна окраины утреннего города и мучилась одним вопросом, — зачем я сюда еду, зачем? Что за блажь втемяшилась в голову. Еще три дня назад, оформляя отпуск, она позвонила родителям и сообщила об отъезде в Эстонию. Мама тут же перечислила список лекарств, которые нужно взять на всякий случай. А папа, смеясь, добавил, — доченька, не слушай нашего фармацевта, я тебе как врач советую, никаких таблеток, просто отдыхай и радуйся жизни. Сообщи, как добралась и передай Инге Карловне, что мы с мамой приедем к ней в августе.

— Тригорск, Тригорск, — услышала Ирина Николаевна голос проводницы и вышла из купе с дорожной сумкой. В подземном переходе пассажиров встречали таксисты. Выбрав водителя в возрасте и, судя по угрюмому лицу, не слишком разговорчивого, она села в машину, назвала в санаторий и снова задумалась. И чего меня сюда понесло? Вчера бы улетела в Таллинн, доехала бы на маршрутке до Пирите и уже сегодня бродила бы вдоль побережья Финского залива, вдыхая свежий морской воздух. На завтрак Инга Карловна

приготовила бы свой фирменный паштет из печени трески, а на десерт подала бы кофе со взбитыми сливками и яблочное пирожное. Потом, уточнив обеденное меню, деликатно бы удалилась. А что меня здесь ждет? Из-за того, что слишком поздно забронировала путевку по интернету, придется жить в одной комнате с чужой теткой, питаться в санаторной столовой, еще и бегать по разным процедурам. Хотя, их можно сократить до минимума, оставив самые приятные...

— Приехали, — раздался голос водителя. Расплатившись, Ирина Николаевна вышла из машины, огляделась и поморщилась, — здание стандартное, скучное. Правда, кругом зелень, цветы, фонтанчики и альпийские горки, но все равно... В холле ее встретила молодая девушка. Она приветливо поздоровалась и провела в кабинет, который Одинцова покинула уже полноправной курортницей. Войдя в номер, она быстро приняла душ, вышла на балкон, и замерла. Внизу перед ней лежал укрытый зеленью город, а вдали на фоне голубого неба белела гряда Кавказских гор. — Как же давно я здесь не была... С того самого дня, как похоронили Марочку.

Мариэтта Георгиевна не любила, когда ее называли бабушкой или тетей. При знакомстве представлялась официально, а дома ее звала по

имени даже собственная дочь. Однажды маленькая Ира спросила маму, — почему у всех есть бабушки, а у меня нет? Папа тогда рассмеялся, — в нашей семье как в том анекдоте, бабушка есть, а слова такого нет. Марочка совсем не была похожа на соседок-старушек. Всегда подтянутая, хорошо одетая, с непременным маникюром и перманентом, она не менялась с возрастом. Папа часто шутил, — первое слово, которое произнесла наша Татуся, было Мара. Мама сердилась и говорила, что ребенок в младенческом возрасте не может произнести букву «эр». А он отвечал, — так в наше отсутствие Марочка доченьку специально тренировала. Ира верила папе, но как-то спросила, — это правда?

— Если честно, то сначала ты сказала «мама». Мы стоим возле манежика, умиляемся, а ты как завопишь «мала», «мала». Сначала подумали, что доченька голодная или требует еще игрушек, но тут подошла Марочка, ты засмеялась и протянула к ней ручки. Как только родилась, она пришла к директору театра и сказала, — я увольняюсь, у меня ребенок. Тот опешил, — Мариэтта Георгиевна, у вашей внучки есть папа с мамой, в конце концов, ее можно в ясли отдать, зачем же вам уходить.

— Родители с утра до вечера на работе, ясли нам не подходят, там дети часто болеют, пояснила Мара. А моя Татуся — ангелочек, ей нужен особый

уход. Так что подписывайте заявление.

— Пап, ты не сочиняешь про ангелочка? — спросила Ира.

— Борис Семенович мне сам об этом рассказывал. Он категорически не хотел Марочку отпускать. Ты же знаешь, она всю жизнь проработала в костюмерном цехе, у нее безупречный вкус, из ничего могла сотворить платье хоть для Сильвы, хоть для цыганки Азы. Ее очень ценили в театре. В общем, они сошлись на том, что Мара остается в штате в качестве консультанта по костюмам. Она вернулась на прежнее место работы только потому, что любимой Татусе необходимо общение с маленькими детками. И отвела тебя в детский сад.

— Ах, Марочка, как же мне тебя не хватает, — вздохнула Ирина Николаевна. Ее воспоминания прервал робкий стук в дверь.

— Открыто, — крикнула она и увидела на пороге стройную темноглазую девушку лет двадцати. — Не стесняйтесь, проходите, давайте знакомиться, меня зовут Ирина Николаевна, — произнесла Одинцова.

— Вот здорово, значит мы тезки! — воскликнула та и втащила в комнату чемодан на колесиках. Затем сняла легкую курточку и осталась в светлой майке, на которой большими буквами было написано «Привет». Одинцову почему-то

умилила эта надпись, она улыбнулась и сказала, — Ира, давайте обустроиваться, я сама только что приехала и еще не успела разобрать вещи.

— Хорошо, только можно я сначала на балкон выйду и посмотрю на город. Когда она вернулась в комнату, Ирина Николаевна встретила ее вопросительным взглядом.

— Красота! «Весь мир на ладони, ты счастлив и нем...», — засмеялась девушка и еще больше похорошела.

— Кажется, с этой девочкой мне повезло, — подумала Одинцова. Понаблюдав за тем, как та быстро и ловко раскладывает свои вещи, спросила, — Ира, вы, наверное, часто путешествуете?

— Да, мы с папой любим ездить. Только, пожалуйста, говорите мне «ты», так привычнее. У нас на сегодня какие планы?

— Сначала завтрак, правда, мы его уже пропустили, но нас покормят. Потом к врачу, он назначит процедуры и дальше по его списку.

— А если я здорова?

— Тогда зачем приехала в санаторий?

— Папа заставил, — вздохнула девушка. Я сдала сессию досрочно, чтобы до его отпуска по музеям и выставкам побегать. Но не получилось, папе пришлось срочно выехать в командировку на Дальний восток, а потом в Японию. Это надолго,

недели на три. Вот он и решил отправить меня сюда. Сказал, что здесь будет режим и никакого интернета.

— Он у тебя такой строгий?

— Просто очень меня любит, и мы редко расстаемся. Вот и беспокоится, где я, с кем, не случилось ли чего. Я его понимаю и стараюсь не огорчать.

— Неужели не ссоритесь?

— Бывает, мы тогда разбегаемся по своим комнатам, но ненадолго. Я упрямее папы, поэтому он первый приходит мириться, постучит ко мне в дверь, просунет голову и говорит, — Ируся, я осознал. А ты? Ой, телефон, это он звонит.

Чтобы не мешать девушке, Одинцова вышла на балкон, попыталась отыскать улицу, где стоял их дом, но так и не сумела. Зато увидела пятиэтажное здание музыкальной школы и слегка улыбнулась. Перед первым классом родители повезли ее на море, а когда вернулись и вошли в квартиру, то остолбенели: в гостиной стояло пианино.

— Татусенька будет учиться в музыкальной школе, — спокойно пояснила Марочка. Инструмент купила недорого у бывшей актрисы оперетты. Настройщик сказал, что он хоть и старый, но звучание очень хорошее.

— Мара, а вдруг у Ирочки нет слуха? — осторожно спросил папа.

— Полгода назад я ее водила к концертмейстеру нашего театра. Алексей Александрович ее прослушал и сказал, что слух у нашей девочки хороший, пальчики тоже, и голосок приятный. С директором школы я уже договорилась, завтра с Татусей пойдем записываться.

— Ты уверена, что доченька хочет заниматься музыкой? — вмешалась мама.

— Ни один нормальный ребенок не любит разучивать гаммы и разные фуги. Зато я знаю, что года через три ей самой понравится играть разные песенки и выступать на концертах.

— Марочка, как всегда, оказалась права, — вздохнула Одинцова и услышала, — Ирина Николаевна, прошу к столу, будем завтракать.

— Ух ты, откуда такая красота? — удивилась она, увидев на журнальном столике тарелки, на которых были аккуратно разложены пирожки, ватрушки, кусочки курицы и небольшая горка нарезанного батона. — А у меня только кофе в термосе остался, ехала поездом, и все бутерброды съела, — расстроено произнесла Одинцова.

— Кофе-это то, что нам не хватает для полного счастья, — засмеялась девушка. Ешьте пока все тепленькое. Тонечка постаралась, всю ночь готовила, а потом еще и в газеты завернула, чтобы еда не остыла в самолете.

— Тонечка ваша родственница? — спросила Ирина Николаевна.

— Нет, домоуправительница, ее так папа называет. Она из Полтавской области, вся такая пухленькая, уютная, пахнет ванилью и очень смешная. Дома балакает, а с соседями на смеси русского и украинского разговаривает. Папа ее на улице нашел. Вообще-то он у меня военный инженер, подполковник в отставке. Мы с ним служили и на Урале, и в Сибири, и в средней полосе. Потом его бывший сослуживец дядя Леша позвал нас в Москву. Он организовал частную фирму, которая занимается охранными системами и еще чем-то. Папа работает его заместителем. Ну, вот, когда приехали в столицу, я перешла в седьмой класс. Папа забеспокоился. Мы ведь раньше жили в военных городках, там все знают друг друга, за соседскими детьми женщины присматривали, если надо, то и накормят, и спать уложат. А тут ребенок дома один, неизвестно, что ест-пьет, чем занимается, — засмеялась девушка, — и он решил найти помощницу по хозяйству. Знакомых расспрашивал, в разные фирмы обращался, но все тетки ему не нравились. А однажды вышел из магазина и увидел Тонечку. Она стояла в сторонке, плакала и причитала, — ой, божечко, ой, божечко, шо ж мэни робыты, уси гроши вкралы, як же мэни жыты. Папа к ней подошел, довез до дома, где она

жила в коммуналке. Тонечка пригласила его к себе на чай, накормила своими пирожками и рассказала, что полтора года назад приехала в Москву досматривать двоюродную сестру, которая болела. За это та пообещала ей отписать свою комнату в коммуналке. Месяц назад сестра умерла, но появились еще претенденты на жилье и потребовали освободить жилплощадь. В общем, Тонечка была в полной растерянности, а тут еще и деньги украли. Папе она очень понравилась, он быстро все разрулил, помог продать подаренную комнату, открыть счет в банке, и мы стали жить вместе. У нас четырехкомнатная квартира, так что всем места хватило. Как вам пирожки?

— Обалденные, — улыбнулась Одинцова.

— Папа тоже хорошо готовит, особенно мясо.

Однажды принялся меня укорять, — Ируся, ты уже большая девочка, а кроме яичницы и жареной картошки ничего не можешь приготовить. Тонечка тут же за меня заступилась и говорит, — Петровычу, — она так папу называет, — нэ хвылюйтэсь, як трэба будэ, так наша дитонька зразу навчиться. Но после этого разговор потихоньку начала меня учить готовить. Когда папа увидел, что я пеку блины, пришел в полный восторг. А один раз мы с ним так смеялись. Приходим домой, Тонечка стоит в прихожей и теребит фартук, уже знаем, что-то случилось. Молча раздеваемся, она

повздыхала, потом говорит, — Петровычу, хоч лайтэ мэнэ, хоч ни, цуцэнятко в нас. У кухни воно. Заходим, возле батареи в коробке на тряпочке лежит кутеночек, головка маленькая, а пузо полное и сопит. Рядом блюдечко с остатками молока. Папа так серьезно спрашивает, — Антонина Ивановна, где вы откопали это чудо гороховое? А она отвечает, — нэ видкапувала його, воно у нашому двори биля лавочки лэжало. Такэ малэсэньке, худэсэньке, та ще й голоднэ.

— Блохи есть? — продолжает папа.

— Та ни, я його помыла шампунью «Коняча сыла», шо мэни Ируся подарувала. Я уже еле сдерживаюсь, но папа не сдается. — Имя придумали своему цуцэнятке? Тонечка махнула рукой и говорит, — та хай будэ Фрол. Мы с папой так и покатались со смеху. Щеночек наш вырос и превратился в обычную дворняжку. Я его сначала звала Фроликом, а потом Роликом. Тоня поначалу бурчала, — ну такэ прыдумала, гарну собачку колэсыком обзывать. Потом привыкла, но во дворе всегда кричит, — Фрол, ты куды побиг, вэртайся, а то заблукаеш. Ирина Николаевна, я вас не слишком утомила своей болтовней?

— Что ты, Ирочка, наоборот. Ты так смешно копируешь вашу Тонечку, у нее научилась говорить по-украински?

— Ну, да, мы же вместе живем почти десять

лет, а язык не сложный. Когда к нам приходят папины друзья, дядя Леша всегда просит рассказать, что выдала в очередной раз Тонечка. Я ее изображаю, а они хохочут. Ирина Николаевна, когда надо идти к врачу?

— Прямо сейчас.

— Я тогда посуду быстро помою и пойдем. Вы какие процедуры хотите принять?

— Самые приятные и общеукрепляющие: массаж, нарзанные ванны, плавание, ингаляцию. Если доктор посоветует еще что-то из этой серии, возражать не буду.

— А можно я с вами? Вы не волнуйтесь, я не буду вам помехой. Просто вдвоем как-то веселее.

— Конечно. Я только позвоню и мы пойдем. Одинцова достала мобильник и набрала номер, — алло, привет, Алечка.

— Ирუსька, — отозвался родной голос. Ты уже в Пирите?

— А вот и нет, — засмеялась Ирина Николаевна. Не поверишь, я отдыхаю в санатории «Тригорский нарзан». Приехала два часа назад.

— Не может быть! — воскликнула подруга. Вот это радость! Вадим и мальчишки будут в полном восторге. Давай встречаться. Но сегодня не могу, я по пятницам после работы к матери иду. Это надолго, да и настроение у меня будет, сама знаешь какое. Завтра с утра займусь домашними

делами, у тебя в это время будут процедуры, а во второй половине дня я вся твоя. В воскресенье устраиваем шашлыки у нас на даче. Ируся, как хорошо, что ты приехала. Все, больше говорить не могу, народ жаждет уколотся. Завтра созвонимся.

Одинцова, сидя в кресле, отдыхала после приема нарзанной ванны и ждала Иру.

— Ну, как тебе? — улыбнулась, увидев девушку, покинувшую свою кабинку.

— Класс! Теперь я понимаю, что такое истома. Лежишь, и от приятности даже извилины выпрямляются.

— Тогда сиди и приходи в себя, у нас еще с тобой ингаляция.

— А что это такое?

— Будешь дышать разными травками, чтобы горло не болело.

— Здорово. Ирина Николаевна, а что мы сегодня будем делать после обеда?

— У тебя есть предложение?

— Да. Давайте пойдем в краеведческий музей.

Одинцова удивленно взглянула на девушку. Та слегка смутилась.

— Если вам не интересно, то не пойдем. Просто я так привыкла. Мы с папой много путешествуем, и куда бы не приезжали, первым делом шли в краеведческий, он ведь в каждом

городе есть, ну а потом уже и в другие. Папа говорит, надо знать историю своей страны, а она собрана в музеях и книгах. Я поэтому и поступила в историко-архивный институт, хочу быть музейщиком.

— Мне почему-то казалось, что это скучная профессия.

— Ну, что вы, это профессия интеллектуалов, только она у нас по-настоящему не оценена. Музейный работник должен во многом разбираться, прежде всего, в истории, искусстве, культуре. И главное, он всегда в поиске, совершает маленькие открытия и приобретает новые знания. Мне нравится учиться.

— Тогда пойдем за знаниями после обеда, — улыбнулась Одинцова и поднялась, — а теперь вперед на ингаляцию.

Совершив экскурсию по залам краеведческого музея, они вышли на улицу.

— Ирочка, здесь рядом парк, прогуляемся?

— С удовольствием. Ой, ларек с мороженым. Может, попробуем?

— Обязательно, должна тебе сказать, что Тригорское мороженое очень вкусное.

— Тогда я пошла, вам какое?

— Шоколадное.

— Я тоже его люблю. Не доставайте кошелек, в следующий раз купите.

Присев на скамейку, Одинцова спросила, — Ира, ты в каком музее хотела бы работать? В историческом?

— Я хочу создать собственный музей и посвятить его нашим соотечественникам, которые жили и работали за рубежом.

— Как же тебе пришла в голову такая идея? — удивилась Ирина Николаевна.

— Во всем виноват Леонардо ди Каприо, — засмеялась девушка. Он мне очень нравится, и я влезла в интернет, чтобы узнать о нем побольше. Когда прочла, что его родную бабушку зовут Елизавета Смирнова, просто обалдела. Ради интереса пробежалась по истории Голливуда. Оказывается, у его истоков стояли русские. Представляете, во всех американских энциклопедиях написано, что выдающиеся кинодеятели братья Иосиф и Николай Шейнкеры, которые в штатах стали Джозефом и Николасом Шенки, родились в Рыбинске Ярославской губернии. Николас организовал компанию «Метро-Голдвин-Майер» и тридцать лет просидел в кресле председателя совета директоров. А Джозеф уехал в Лос-Анджелес, где создавался Голливуд, и стал президентом Гильдии продюсеров. Об известных актерах и говорить нечего. О Миле Йовович все знают, а о том, что у Стивена Сигала русские корни-немногие.

— Как папа отнесся к твоей идее?

— Очень понравилась, он теперь в свободное время занимается поиском в интернете инженеров, которые покинули Россию и оставили свой след в других странах. Папа говорит, что многие крупные технические начинания рождались в России, но страна не всегда могла их развить, а чиновники недооценивали свое и переоценивали иностранное.

— Он прав, пример Зворыкина, создателя современного телевидения, уехавшего в США, тому подтверждение, — задумчиво произнесла Одинцова.

— И дядя Леша одобрил мою идею, пообещав, что их фирма станет первым спонсором такого музея. А дядя Боря, он работает в министерстве обороны, сказал, — Ира, если в своем музее ты откроешь зал, посвященный русским воинам, сражавшихся за честь и свободу других стран, то министерство поможет.

— Ирочка, какая же ты умница, — улыбнулась Ирина Николаевна и слегка приобняла девушку за плечи. Ты уже делилась с однокурсниками своей мечтой? Тебе ведь нужны единомышленники и помощники.

— Нет, — вздохнула та. — Мечту можно доверить только друзьям, а у меня среди сверстников их нет. Когда училась в школе, подружки были, но мы ведь постоянно переезжали,

вот они и терялись.

— Как же ты отдыхаешь? В ночные клубы ходишь? Молодежь любит там тусоваться.

— Когда поступила в институт, сразу почувствовала себя взрослой и свободной. По субботам бегала с однокурсницами по разным клубам, возвращалась поздно. Тонечка выговаривала, — Петровычу, хиба ж так можно, дытынка за пивнич прыходыть до дому. Папа ее успокаивал, — Тоня, вы же в ее возрасте тоже любили погулять.

— Та як мы там гулялы. По вульци пройдемся, писни поспиваемо, з хлопчиком у садочку посыдэмо, биля хаты постоимо и усэ. А я по телевизору бачила, шо у цих клубах музыка гра, уси прыгають и коктэйли пьють. Хто ж знае, шо там у коктэйлях, може самогонка, або наркотик. Папа смеялся, — ничего, наша девочка умненькая, глупостей не наделает, это увлечение у нее скоро пройдет. Он оказался прав, месяца через два, мне вся эта жизнь надоела, потому что скучная и однообразная.

— Мне кажется, папа рисковал, в ночных клубах всякое случается.

— Вы не знаете моего папу, — засмеялась девушка. Во-первых, он требовал, чтобы я докладывала, куда и с кем иду, а во-вторых, кто-то из его друзей за мной присматривал. Я об этом не

подозревала, пока случайно не услышала, как он кому-то говорил по телефону, — дежурство отменяется, Ирусе ночная жизнь надоела.

— Обиделась на него?

— Нет, он же беспокоился. Я бы на его месте также поступила.

— Ирочка, а парень у тебя есть?

— Даже не знаю, за мной ухаживает Игорь, он на курс старше, но наши отношения как-то не складываются. Мне хочется с ним что-то обсудить, узнать его точку зрения по какому-то вопросу, да просто поболтать. А он молчит, сопит, и все время лезет целоваться. Я бы с ним давно рассталась, но девчонки из нашей группы от него в восторге: красивый, перспективный, из семьи ученых. Не вздумай его бросать. А вы, как думаете, Ирина Николаевна?

— Я думаю, Ирочка, что всех своих кавалеров ты будешь сравнивать с папой, и они проиграют.

— Ну и ладно. Если не встречу такого как он, обойдусь. Но ребенка рожу. И будем мы все вместе жить-поживать, и добра наживать, — засмеялась девушка.

— Глупенькая ты еще, — вздохнула Одинцова. Ира, я хочу спросить... Но если вопрос тебе не приятен, можешь не отвечать. Где твоя мама?

— Они с папой разошлись, когда мне не было

и трех лет. Я у него спрашивала, по какой причине, он ответил, — у слишком разных людей совместная жизнь редко складывается, и давай больше не будем говорить на эту тему. Вот. А когда я поступила в институт, папа решил устроить праздник на природе. Собрались его друзья, шашлыки жарили, все прилично выпили, особенно дядя Леша и я к нему прицепилась. Говорю, — вы же знали мою маму, какой она была, почему они развелись? Расскажите, я ведь уже взрослая, все пойму. Он и разоткровенничался. Правда утром раскаялся и попросил ничего не говорить о нашем разговоре папе, а то он его убьет. В общем, они оба женились на двух подружках на последнем курсе училища. После его окончания дядя Леша и папа служили под Питером и жили в военном городке, а мама уже была беременной и не поехала туда, осталась на съемной квартире. Когда я родилась, папа был счастлив, назвал меня Ирой и уговаривал маму переехать к нему. Но она под разными предложениями отказывалась, и тогда папа сам приезжал в Питер на субботу-воскресенье, чтобы понянчить доченьку. А однажды появился среди недели и застал маму с другим мужчиной. Он схватил меня в охапку, увез и подал на развод. Суд постановил оставить ребенка с мамой, но папа с ней договорился, что я буду жить с ним. Потом мама вышла замуж то ли за финна, то ли за шведа и

уехала из России. Вот такая история.

— Ирочка, ты очень по ней скучала?

— Лет до восьми мне хотелось, чтобы у меня, как и у всех детей была мама. Потом привыкла, я ее совсем не помнила, а с папой нам хорошо. Может, еще по мороженому?

— А как же ужин?

— Не пойдем, попозже у себя в комнате чай поьем с ватрушками и все.

— У нас же чайника нет.

— Я кипяtilьник всегда вожу с собой, и пакетики с чаем тоже.

— Тогда я покупаю молотый кофе, — улыбнулась Одинцова. Мы его будем в термос заливать кипятком и пить по утрам.

— Ирина Николаевна, как вы думаете, бывает любовь одна на всю жизнь? — спросила Ира, запивая чаем ватрушку.

— Бывает, — улыбнулась та.

— А мне что-то в это не верится. Я вот наблюдаю за семьями папиных друзей и не вижу такой любви.

— Потому что еще молода, и круг твоих знакомых пока не велик.

— Да? Может быть. А дядя Леша говорит, что любовь длится не больше семи лет, а потом наступает привычка.

— Он специалист в этой области?

— Наверное, у него даже любовница есть.

— А ты откуда знаешь?

— Так я его прикрываю, — засмеялась девушка. Правда, это было только один раз. Дядя Леша симпатичный, веселый, любит приколоться, а его жена злая и ужас, какая завистливая. Если они к нам вместе придут, тетя Валя все комнаты обойдет, на кухню заглянет, потом губы подожмет, — конечно, если в доме есть прислуга, так всегда в нем чистота и порядок. Я однажды не выдержала и говорю, — мы сами свои комнаты убираем, а гостиную, прихожую и места общего пользования вместе. Она отвечает, — так я и поверила. Как-то встретила меня на улице, осмотрела с ног до головы, и опять губы поджала, — Ира, у тебя новая шубка, конечно, папа тебя любит и одевает как королеву. У самой несколько шуб, а я в своей третий сезон бегаю. Я бы от нее через неделю сбежала, так что дядю Лешу не осуждаю.

— Как же ты прикрываешь своего друга?

— Тетя Валя все время его контролирует, проверяет, где он, с кем, куда пошел. Как-то звонит нам на городской телефон и спрашивает, — Ира, Алексей Иванович у вас? Я отвечаю «да», соврала, конечно.

— Тогда позови его к телефону, а то он мне по мобильному не отвечает.